

A detailed illustration of a futuristic city street at night. The scene is dominated by tall, dark buildings with glowing windows and neon lights in shades of blue, purple, and orange. A person wearing a dark hooded jacket and a backpack is walking away from the viewer down the center of the street. The street is wet, reflecting the ambient light. The overall atmosphere is mysterious and cinematic.

Семь чудес театра оперетты

Диана Галли

18+

Диана Галли

Семь чудес театра оперетты

«Автор»

2020

Галли Д.

Семь чудес театра оперетты / Д. Галли — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-90918-2

Скандалы, сплетни, интриги! Ничего из перечисленного вы не найдете в этой книге. Непривычный взгляд на "Московскую оперетту", путеводитель по современному репертуару театра на Дмитровке. От кассовых популярных мюзиклов до классических постановок Кальмана - автор не пропустил ни одного спектакля, что заслуживает внимания. Сборник эссе, выходящий в наш век блоггинга и асоциальных соцсетей, в котором нет отрицательных отзывов или негативных оценок. Только дань уважения актерам и режиссерам, благодарность всем, кто служит в театре. И подсказки для того, кто, прочитав эту книгу, захочет посетить спектакли театра "Московская оперетта".

ISBN 978-5-532-90918-2

© Галли Д., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Любовь и голуби	6
Джейн Эйр	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Диана Галли
Семь чудес театра оперетты

Ире Комаровой

Любовь и голуби

Странное место – театр. На его сцене царят мировые сюжеты, высокие чувства и низменные страсти, всё преувеличено или преуменьшено, трагедия и комедия – два его полюса. А есть ещё и мюзикл, оперетта, водевиль и множество других жанров. Но приходя на спектакль, мы бессознательно готовимся к тому, что актёры будут играть, дирижёр – вести оркестр; и всё будет, как говорят дети, «понарошку». Мы знаем, в театре представляют жизнь такой, какой её увидел драматург, режиссёр и актёры. И всегда существует граница между реальностью и её отражением на сцене. Но иногда всё вдруг переворачивается с ног на голову.

Театр Оперетты, музыкальная комедия «Любовь и Голуби». Подарок маме на 8-марта.

Советский фильм 1985 года «Любовь и голуби» знают все. История Васи и его курортного романа, рассказанная Владимиром Меньшовым, до сих пор смотрится с удовольствием. Я боялась, что весь спектакль актёры будут бороться с фильмом, с образами, созданными Александром Михайловым, Ниной Дорошиной, Сергеем Юрским и Людмилой Гурченко. А вышло всё... иначе.

Прежде всего – зал. Молодых зрителей в зале было едва ли не больше пенсионеров. И количество смартфонов по отношению к количеству программ в руках – выиграло. Может быть, потому что сегодня в сети больше информации. То, что зрители искали в антракте информацию о спектакле, актёрах и сценарии убедилась: рядом со мной сидела стайка прелестных девушек, которые «гуглили» исполнителей главных ролей и шёпотом читали друг другу найденные факты.

Театр Оперетты – прекрасен. Он одновременно из двух миров – позапрошлого века по архитектуре и современного – по количеству и качеству аппаратуры, которой полны технические проёмы и сцена. И тем удивительнее было, когда первым к зрителям вышел дирижёр, Андрей Семёнов. Живой оркестр! И вместе с тем, современная звуковая аппаратура актёров работала идеально – ни одного слова не пропало.

И началась знакомая всем история о Васе-голубятнике и его приключении.

Актёры. Моя мама сказала: «Да все хорошие! Все отлично играли!». Мама не была в театре с советских времён, артистов Оперетты видела первый раз.

Анна Гученкова, «Надюха». Чудесная маманя троих отпрысков, жёнка непутевого Васи. Полнокровная и живая в каждой сцене, густая, как сметана, беззащитная и вечно юная деревенская женщина – и при этом словно эхом слышишь в её работе замечательную киноработу Нины Дорошиной. Словно Анна Гученкова не просто ведёт роль, она напоминает зрителю о той актрисе, что снималась в фильме, и при этом – прекрасно видно саму Анну, её огромные глаза, слышно её дыхание и её собственную мысль – русская баба осерчает, да отойдёт. Удача несомненная.

Баба Шура, заслуженная артистка России Инара Александровна Гулиева. Многогладальная русская женщина в возрасте, гоняющая непутёвого дядю Митю. Когда она запела, я вздрогнула – показалось? Бабушка моя покойная ровно таким голосом пела мне русские песни. Тембр её, грудное это пение. И характер с лопатой наперевес, но отходчивый. Та же Надюха, но лет через 20. Удача.

Екатерина Кузнецова (младшая дочь), Глеб Косихин (Ленька) и Ольга Белохвостова (старшая дочь). Молодое поколение театра. Отличная работа.

Василиса Николаева, которой досталась самая тяжёлая роль в спектакле – Раисы Захаровны. Переиграть и сыграть лучше Людмилы Марковны Гурченко, что исполнила эту роль в фильме – невозможно. А у Василисы Николаевой получилось! Просто она создала свою Раису Захаровну с нуля. Роковая (но советская) женщина, то в купальнике, то в экстравагантном блестящем платье, то в импортном халате (как не вспомнить «Бриллиантовую руку» с халати-

ком на перламутровых пуговицах!). И самое меткое определение, словами Васи: «Ну что ты, как в кино-то!». Именно! А с кого было списывать роковых женщин советским разлучницам, как не с кино! Где они могли видеть пример? Точный портрет советской работницы кадрового отдела, очень хочет счастья, киношного и под песню Дассена! О Гурченко не вспоминаешь – так интересно видеть работу Василисы на сцене. Bravo!

Вася, Игорь Балалаев. Первый же эпизод – Вася вылезает из оркестровой ямы – с голубями, в сапогах и мятой повседневной рубашечке. Всклопоченный, мягкий, такой... нетеатральный, что ли. Настоящий Вася. И начинается действие. Гоняет Васю жена за голубей, рассказывает он дочке историю про Вову-блаженного, чинит трактор, мечтает побывать в баре...

А я смотрю на сцену полными слёз глазами и не могу оторваться от бинокля. Потому что это не Игорь Балалаев там. Это мой папа... мой молодой папа, в точно таком же костюме коричневым – на курорт, а в рубашке и брюках – по деревне, где родился. Это мой папа – чинит трактор в один приём. Мой папа рассказывает историю на авансцене о точно таком же Вове-блаженном. И неважно, что папа рассказывал мне о дяде Васе из деревни Чанки. Но точно также я плакала ему в ладошку, а он меня потом утешал. И я вижу в игре Балалаева, в интонациях его голоса, в походке – своего папу. Нет, не было в нашей семье никаких Раис и в помине. Но почему этот актёр на сцене – играет моего папу? Я спросила в антракте – мама, кого тебе Вася напоминает? И она ответила: «Деда твоего, моего папу». И мне стало всё понятно.

Вася в исполнении Балалаева – не Александр Михайлов в киноверсии, ничуть. Совпадений – только слова пьесы. Балалаев рисует Васю другими красками. Чистая акварель – его работа, небесная акварель, какой написаны в памяти самые дорогие мгновения. Ни надрыва, ни одного резкого шага, ни одной пронзительной ноты в его игре. И тем ценнее образ, тем полнее и глубже характер. Акварельными слоями, постепенно, слово за словом – и зритель уже не отрывает взгляда от Васи, как от белого голубя в небесах.

Сцены с Надюхой – кто из нас их не знает, таких же точно жен и мужей, живущих по соседству, в доме или панельной многоэтажке. Золотой мужик, не пьёт, работающий, вот только голуби его! Или рыбалка. Или домино. Зла не хватает! А и нет зла никакого ни в жене, ни в муже. Душа в душу – это о них, о Васе и Наде. Душа такая – заполошенная. Но уже следующая сцена, проводы. От сердца отрывает мужика, иначе не скажешь. И курорт.

Когда на сцену вкатили ванны, народ в зале уже был готов, «разогрет действием» и воспринимал всё с полунамека. И танго с ваннами, и Раиса Захаровна – это было нечто. Ощущение, что выпал из реальности и упал по ту сторону киноэкрана, как это часто видится во сне. Платье Раисы Захаровны, коктейли, светомузыка, ошалевший Вася. Разрез платья до бедра, ария про «запах твоего парфюма», шикарная женщина! И пропал наш Вася, пропал!

Дуэт Балалаева и Николаевой в сцене обольщения – из разряда «и смех, и грех». Спойлер! Роковая женщина подогрела незадачливого мужичку, уже маяк горит в полный рост, шаг и в пропасть страстей!!!

– Давай, Вася! – невольно срывается у зрителя. "Щаз!" Булавочка, которой Надюха прикрепила потайной карман, срабатывает, как советский пояс верности! Вася стонет: «Раиса Захаровна, булавочка, я щаз, булавочка у меня тут!» Зрители стонут от смеха, сползают с кресел, овация, занавес! Антракт.

Как Василий покидает Раису Захаровну, как возвращается. Всё написано чистой акварелью, тончайшими кисточками. И доброта, как свойство порядочного человека, сквозит в каждом слове, в каждом шаге бедного Васи. Он чист, даже после случившегося. Как сама Надюха говорит: "Да по пьянке!" Случайно он пошел не той дорогой. Не по умыслу злему, не по злобе. И Вася возвращается, ходит ночью в окошки смотреть. Мыкается, мирится с Надюхой. И расцветает новым цветом их любовь, новыми красками. «В писят лет, ёшкин кот!»

Кончается всё, как и в фильме, проводами сына в армию. И вся деревня подтрунивает над Васей и Надей – по-доброму, потому что зло в этом мире просто невозможно. Невероятно, но факт – зла в спектакле нет. Нет вечного конфликта! А спектакль есть.

Игорь Балалаев поразил меня незадолго до этого спектакля – ролью графа Орлова в одноимённом мюзикле. Но увидеть его вживую, в первый раз и в такой прямо противоположной роли – стало не меньшим потрясением. Диапазон его актерского дара широк. Обладая восхитительным голосом, Игорь Владимирович сыграл роль Васи, где нет ни одной арии в привычном понимании. Песни, что звучат в комедии, иные. Они не требуют голоса, но они невозможны без сердца. И сердце у Балалаева – равноценно его таланту и голосу.

Вынесу отдельной темой: народный артист России Александр Николаевич Маркелов, один из знаковых актеров Театра Оперетты. Дядя Митя.

Накануне ушёл от нас Сергей Юрский, великий актер. Он сыграл дядю Митю в фильме Владимира Меньшова. Представить кого-то в этой роли было невозможно. Но, как и с ролью Раисы Захаровны, никогда я так не ошибалась.

Потому что Александр Николаевич Маркелов создал другого дядю Митю. Пожалуй, его бы я назвала главным героем, двигателем всей пьесы.

Мелкий бог местного разлива в прямом и переносном смысле. Каждый выход, каждое появление на ура. Зритель взгляда от него не отводит, на каждую реплику – реакция, каждая сцена с ним – подарок. Это «цыганочка с выходом», фейерверк на ликёроводочном и Россия в кубе. Дядя Митя ведет спектакль, как дышит, он связующее звено между мирами баб и мужиков. Ему достался лейтмотив всей комедии, волшебная мелодия Андрея Семенова. Слышишь её – и не можешь не улыбнуться. Вспоминаешь о ней – и видишь дядю Митю, достающего чекушку откуда угодно! Оп-ля!

Мастерство, высочайший класс работы с залом и ролью – прибавить нечего, Александра Николаевича надо видеть вживую. И плакать с ним, «хороня Санечку мою», и убегать от «Санечки» с лопатой, и куролесить. И смеяться, глядя на него. Сочная и яркая манера игры – запоминаются навсегда.

Единство ансамбля актерского, сыгранность, общее дыхание – но это еще не всё. Незабываемое впечатление от декораций и художественного решения спектакля. Почему-то воспринимаешь мобильные декорации, как должное – домик ездит и голубятня, трактор «фурычит», и ванны на сцену выезжают, раскладывается по-киношному вся квартира Раисы Захаровны и складывается гармошкой.

Кинематографичность каждой сцены, каждого кадра – слайды на экране или фотографии в альбоме, это не случайно, не совпадение, я напишу об этом позже.

Свет, как отдельный герой – то это деревенское крыльцо жарким днем, то светомузыка в баре, то абажур в доме, то финал спектакля – утро проводов.

При самом простом решении костюмов – все приметы времени. От костюма Васи из сельпо, такой костюм был у каждого мужчины в Советском Союзе, до дяди Мити в кепарике и «пинжаке». Простые платяшки Надюхи, платок бабы Шуры. Халатик Раисы Захаровны, её же платье для «танго-парфюм». И рождается чёткий образ времени, понятный каждому зрителю.

Режиссеру – мое уважение. Работа на сцене всех актеров, движение декораций, музыка, свет, раскадровка – по нотам, посекундная. И замысел, и идея, и общее впечатление – словно ты прочитал книгу, просмотрел чудный сон. Спектакль живой, спектакль дышит, ритм царит во всем – и зритель принимает этот ритм легко, вливается в общее действие, как ещё один герой пьесы. Мое уважение заслуженному деятелю искусств Валерию Архипову.

Весь спектакль – на одном дыхании, целиком ложится в душу. Нет телевизора. Нет кинофильма. Нет ничего, кроме театра. Кроме актёров, живой музыки и настоящих голубей. Но такого театра я еще не видела.

Стихи Сергея Плотова – все песни и куплеты, что звучат в спектакле. Невозможно передать впечатление. Это не тексты. Это именно стихи.

Звучит в самом начале песенка Оли, младшей дочки Кузьякиных, в которой есть одна строчка, которая всё решает, всё сразу. «Вера в сказку с радостным концом: в то, что вечно будут мать с отцом». И всё. Ты забываешь, что это спектакль. Три часа воспоминания, уже не окрашенного болью и раскаянием. Одновременно вспоминается и фильм, который смотрели твои родители, а потом пересматривали уже с тобой, маленьким. Одновременно это и кусочек семейной хроники, твоей и моей. Когда были молоды родители. Когда они были счастливы. Когда они просто были – мама и папа.

Периодически ты выпадаешь из реальности, настолько фотографический кадр создаётся на сцене. Фотография из семейного альбома, и это подчёркнуто, это – один из приёмов, удачный и совершенный. И вдруг ты узнаёшь на этой фотографии-мизансцене свою семью. Мгновение останавливается, прекрасное и знакомое, и люди в зале не замечают, что плачут. Ты непосредственный участник спектакля, потому что актёры вызывают из твоей памяти узнавание кадра, узнавание образов.

Спектакль-воспоминание. Лишённая боли и сожаления память. Миф о том, что когда-то была другая страна, в которой жили самые простые люди. Они любили и выпивали. Носили сатиновые семейные трусы, прикалывали потайной кармашек булабочкой. Уезжали на курорт, попадали в лапы курортного романа... возвращались. Просили прощения. И их простили, а как же иначе!

Уже не горькая тоска по ушедшему, не тоска о потерянном рае. Это грусть о какой-то душевной невинности людей, о кроткой голубиной жизни. Невозвратимые наши молодые родители, родители актёров, воссозданные на сцене с трепетом и любовью.

Даже мечта Васи – дикая для сегодняшнего поколения, но знакомая всем советским людям – побывать в баре. Пять рублей коктейль, ёшкин кот! Через солому водку пить! Попробовать, вернуться и рассказывать всей деревне, всей улице, что попробовал «шикарной жизни». И в ванне тебя купали, и на пляж ходил, и ракушек набрал полную тумбочку!

Весь спектакль – дань памяти родителям. Актёры играли так нежно, сердечно и ласково, что ты смеялся только потому, что плакать не было причины. А плакал от смеха. От доброго смеха. Щемило сердце о том, что этот мирок – дяди Мити и Васи-голубятника, второго блаженного на деревне, разлучницы, курорта по путевке, гармошки, что звучит на деревенской улице, – этот мирок невозможен. Он там, в памяти, где молодые и счастливые мама и папа, мамы и папы актёров и актрис, да и сами старшие актёры и актрисы. Затерянный мир, добрый и не идеальный, но ты был там, ты жил в нем, ты был невинен, как твой смех и твои слёзы.

Растягивает гармошку Александр Николаевич Маркелов. И дирижёр, автор музыки, Андрей Семёнов, как в забытой сказке, кланяется зрителю. Кланяется! Это не трек на пульте звукорежиссёра, это не трек в наушниках! Оркестр набирает воздуха, оркестр вступает, и музыка рождается на твоих глазах – живая музыка, настоящая.

И летят со сцены голуби. Чистые и непорочные, как наша память о родителях. Души белые. Мы забыли ремень и наказания, получку и бедность. Но мы помним, что у папы был точно такой же коричневый костюм, как у Васи. И улыбка была – Васина. А дядя Митя был на любой улице, неважно, в деревне или в городе. Балагур, мелкий бог местного разлива в прямом и переносном смысле. Была и Надюха, которая так любила своего мужа, что даже помыслить не могла, что он со зла такое «учудит». А они, мужья, потому и не чудили, что была у них Надюха. Душа в душу жили, детей поднимали, в армию провожали.

Грустная нота – мы похоронили родителей. Похоронили советское кино. Проводили уже многих, кто снялся в том фильме. Мы проводили и отплакали. Мы остались с детьми, которым не особо нужны. Наши дети из другого мира. Мы остались в этом мире, за дверями театра.

Мы идём в метро и думаем о том, что завтра на работу, которая не в радость. Мы включаем смартфон, а наши дети опубликовали фанфик...

Но сегодня вечером в Театре Оперетты Александр Николаевич Маркелов, Игорь Бала-лаев, Анна Гученкова, Василиса Николаева, Инара Александровна Гулиева – вернули нам улыбку родителей, вернули нам потерянный мир, уму и сердцу.

Это невероятно добрый и светлый спектакль. Ни страстей, ни мук, ни тягостных раз-думий. Даже сожаление о потерянном мире – не ранит тебя. Невозможно создать спектакль только из светлых оттенков, скажете вы. А вот ведь, ёшкин кот, получилось!

12.02.2019

Джейн Эйр

Это самое сложное задание в моей журналистской практике. Потому что написать рецензию на идеальную работу – сложно. Но я постараюсь.

Против всех правил рецензии начну с финала. Зрители не поняли, когда закончился спектакль, на коде финальной арии поднялись и пошли к выходу. До поклонов. Актеры слегка опешили, но сдержали эмоции. Капельдинеры вынесли цветы. Если спектакль кончается так – это провал?

Если бы не одно «но»! Это мюзикл «Джейн Эйр» Московской оперетты. Эпитеты оставим эпилогу.

Театр Московская Оперетта – именно театр, а не оперетта в привычном понимании слова. Здесь идут репертуарные спектакли, здесь идут блокбастеры «Монте-Кристо», «Граф Орлов», «Анна Каренина». И «Любовь и голуби», «Фиалка Монмартра», «Собака на сене». Увидеть в репертуаре «Джейн Эйр», программную вещь из школьного курса. Купить билет, прихватить бинокль. Войти в великолепный старинный зал – и потеряться.

Спектакль идет около двух часов. На сцене привычные декорации – пианола, кресло, вазы, стулья, кушетки. И вместе с тем – два огромных проекционных экрана: передний – занавес-экран, задний – собственно, задник сцены. Между ними – движущиеся декорации, фрагменты стен замка Рочестера, они же в нужный момент – стены колледжа Джейн.

Живой оркестр. Дирижер – Станислав Майский. Поклон зрителям. Жаль, он не видит нашего ему поклона за работу.

Свет. Актёры. Всё. В сухом остатке – идеальный спектакль, учебник и пособие по новому русскому театральному искусству. Проблем нет.

Потерянный зритель, описанный выше, не сообразил, когда поклоны, когда финальный выход, финальная важная песня. Это проблема постановщика, нужна только одна пауза, одна на весь спектакль, логическая пауза перед поклонами. Или, что еще страшнее – проблема в зрителе. Или... в эпилоге постараюсь осмыслить.

История гувернантки, книга Шарлотты Бронте, жанр мюзикла, уже не новый для России. Что там играть – она бедная, он благородный, обман, разлука, пожар, воссоединение? Роман середины XIX века, чопорность, приличие, порядочность, скука. Даже в школе – читать трудно.

Разводит крылья занавес, загорается первый занавес-экран. И взмах дирижерской палочки виден всем. И ты забываешь человеческую речь.

Потому что ты в соборе, где девочка-Джейн просит душу своей мамы о судьбе. И по собору переливаются радужные зайчики, витражи собора порождают их. Джейн выпускается из школы. Первый глоток горькой свободы, неопределённость юности. Но гувернантки требуются всегда, и на сцене уже дом Рочестера, где миссис Фейрфакс тепло встречает девушку. Маленькая Адель, воспитанница Джейн поёт песенку, чтобы понравиться своей учительнице. И время бежит, весна, первый ливень и встреча с Рочестером. И знакомая всем история о пленительной сказке сердца – поступок и признательность, надежда и сомнение, отчаянье и признание. Казалось бы, счастье: предложение руки и сердца – и следом катастрофа. Безрадостный период разлуки, пожар в усадьбе, возвращение и воссоединение. Весь сюжет в одном абзаце. Что там смотреть? Смотреть нужно всё, от начала до конца.

Это сложный для восприятия, безумный по насыщенности спектакль. Действие сопровождается новая технология – проекции на задник и на передний занавес создают ощущение, что ты смотришь голливудский или китайский фильм со спецэффектами. Очень дорогой качественный фильм.

Акварели Джейн Эйр оживают на глазах. Ты перелистываешь страницы на самой сцене! Ты идешь вместе с персонажами по коридорам усадьбы. Невозможно описать свадьбу, но сцена

с актёрами буквально проходит вместе со зрителями в собор на венчание. Во время пожара – полыхает вся сцена настолько реалистично, что не можешь не прислушиваться к запахам – вдруг пожар, ведь дым перед тобой! Слава Богу, неправда, но как, как это сделано?

Ветви дышат от ветра, дождь стеной, раскаты грома и вспышки молнии – зритель ошеломлён, а спектакль спецэффектами не раздавлен, а обогащён. Отводишь взгляд, видишь дирижёра над оркестром – и не веришь, что живые картины на занавесах – наяву. И тебя «добивает» живая музыка, смычки делают выпад, и ты убит окончательно.

Во всем этом великолепии – потерять актёров несложно. А потерять их – невозможно. Актеры переигрывают все спецэффекты, не напрягаясь. Школа. Качество. Московская оперетта.

Джейн Эйр. Анна Подсвинова. До слёз, до спазма – английская девушка из романа Бронте. Чистая душа – она и в игре, и в вокале Анны. Заново познаешь её душу и заново веришь в то, что была на свете Джейн или Шарлотта, какая разница. И была она строгой к себе, доброй к другим.

Эдвард Рочестер. Игорь Балалаев. Жестокий актёр. Он вышел на сцену, а «разум и чувства» чуть не перегорели. Отступление – три года тому назад мир похоронил Алана Рикмана. И пережил его уход. Болезненно пережил, вспомните, сколько детей читали на видео свои стихи, устроили флэшмоб общемировой, собирались у посольства Великобритании, несли цветы и плакали, как не плакали ни по кому... Я была там, я похоронила его со всей Россией – и не могу пережить его смерть до сих пор. Не смогу никогда.

А сегодня Игорь Балалаев вернул его всего, целиком, английского джентльмена, блестящего аристократа и живого страстного мужчину. Видеть его на сцене была пытка – как живой стоял перед глазами Алан Рикман из «Разум и чувства». И одновременно, был на сцене актёр Игорь Владимирович в роли Рочестера, мечта всех девочек. Безупречно – характер, речь, интонация, образ, пластика, мимика, вокал. Вокал – отдельная тема, вернусь к ней. Голос Рочестера в русской постановке – шьёт по-живому, немилосердно. Партия его написана так. Актер превносит в арии биение сердца, острую боль, горечь Рочестера – и зритель входит в транс.

Простите мне упоминание Рикмана, но это было так – в какой-то момент ты вспоминаешь всех виденных в театре и на киноэкране положительных джентльменов Англии, и ярче, эталоннее Рикмана не было никого. Балалаев сумел напомнить зрителям о великом английском актёре и при этом – полностью раскрыться лично. Нет слов, сэр. Нет слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.